

Глава 10.

Трехчленный путь: нравственность

Ни один человек, прочитавший в палийских писаниях яркие описания жизни Будды и его учеников, не станет сомневаться в том, что все они были невероятно счастливыми людьми. Их любовь, сострадание, отречение, счастье и довольство производили глубокое впечатление на всех, кто попадал в сферу их влияния. Короли и придворные, проститутки и добродетельные вдовы, солдаты и ученые, крестьяне и ремесленники, – все они садились у ног Будды, для того чтобы узнать секрет этого лучезарного счастья. Неудивительно, что среди многих эпитетов, под которыми известен Будда, есть и титул Сугата, «счастливый».

Но даже во времена Будды существовало множество людей, которые не довольствовались столь абстрактной наградой, как покой и блаженство нирваны, а жаждали учения, которое бы показало им, как удовлетворить их человеческие желания и стремления. Будда обычно подбадривал таких людей, указывая, что есть различные небеса, на которых они могут переродиться в награду за добродетельные поступки, такие, как даяние пищи бездомным, уход за больными, рытье колодцев и выращивание деревьев, дающих тень и отдых путникам. Но он не забывал предостерегать их, что эти небесные уделы – временные обитатели. Когда запас их заслуг будет исчерпан, обитатели этих небес снова попадут в непрестанно вращающееся колесо изменений и, скорее всего, переродятся в человеческом измерении, где будут жить и страдать, как прежде. Возможно, обычно говорил Будда, испытал подобные превратности судьбы несколько раз, человек устанет от преходящего счастья и решит обрести вечное блаженство нирваны.

Буддийская система этики также дает образы ряда адов, в которых те, кто вел себя неискусно, перерождаются в результате своих неискусных действий. Но эти ады столь же временны, как и небеса. Искупив вину за свои прошлые недобродетельные поступки, обитатели ада еще раз переродятся в человеческом измерении, и у них будет еще одна возможность найти путь, который выводит за пределы Колеса жизни¹¹². В понимании буддизма все существа – даже птицы и цветы, как говорят некоторые, – рано или поздно обретут Просветление.

Закон кармы

Все это, безусловно, вытекает из закона кармы. В своей самой простой и общепринятой форме учение о карме – это просто выражение универсальной веры в то, что мы пожинаем то, что сеем: рано или поздно мы сами ощутим результаты наших действий. Закон кармы помогает нам до некоторой степени объяснить очевидные различия в благополучии, которые существуют в этом мире, но здесь нужно быть очень осторожными. Страдание (или счастье) человека – не обязательно результат его прошлых действий. Закон кармы часто понимается неверно в этом отношении. Здесь мы возвращаемся к основополагающей истине – обусловленности. Будда выделял пять порядков обусловленности, пять *ниям*, как впоследствии назвал их Буддагхоша: физический неорганический уровень, физический органический (то есть биологический), психологический, кармический и запредельный¹¹³. Если только человек не обладает проникновением Будды, он не может быть уверен в том, какие именно *ниамы* приводят к какому именно результату.

Обычно здесь приводится пример с лихорадкой. Если у человека лихорадка,

возможно, это простуда, связанная со внезапным изменением температур, или он мог подхватить вирусную инфекцию, или, возможно, он стал жертвой болезни в результате какого-то умственного переутомления, или же причиной этого могло стать неискusstное действие, совершенное в прошлом, или же это может быть даже воздействием определенного рода запредельного постижения. Таким образом, один и тот же конечный результат мог возникнуть по физической, биологической, психологической, кармической или трансцендентной причине – или из-за комбинации двух и более причин.

Причинность – это запутанная сеть: все, что происходит или возникает, случается или появляется на свет в результате не одной, а многих причин. На самом деле – и это аспект постижения реальности Буддой – если мы поразмышляем над факторами, которые, соединившись, становятся причиной любого явления, мы поймем, что они бесчисленны. Подумайте, например, что стало «причиной» булки хлеба (или пакета с рисом) на вашей кухне. Подумайте о людях, которые к этому причастны – и о том, что стало их «причиной». Подумайте об их предках, уходящих вглубь до безначальных времен. Подумайте о солнце, дожде и земле, подумайте о перевозке и материалах для упаковки. На самом деле, нет ничего и никого, кто или что было бы не причастно к возникновению – и появлению на вашей кухне – этой булки хлеба. Это, кстати, еще один способ подойти к учению об «анатмане», «отсутствии отдельной самости». Размышления показывают нам, что ничто не обладает отдельным от всего остального «самобытием», всё и вся взаимосвязано. Для иллюстрации этого факта в буддизме Махаяны приводится образ сети Индры – бесконечной сети драгоценностей, каждая из которых отражает другие драгоценности в сети¹¹⁴.

Эти сложные хитросплетения причинности означают, что, если кто-то страдает определенным образом, нельзя делать вывод, что это непременно является результатом его неискusstного поведения в прошлом. Это возможно, но вы просто не можете знать этого наверняка. Индуисты приняли фаталистическую точку зрения на закон кармы, и некоторые буддисты склонны утверждать нечто похожее, но буддийское учение о пяти ниямах очевидно свидетельствует, что страдание, которое существо испытывает в настоящем, необязательно подразумевает неискusstное поведение в прошлом.

В чем мы можем быть уверены, так это в том, что наше нынешнее неискusstное поведение почти непременно приведет к страданию в будущем (хотя некоторые менее значительные неискusstные действия «отменяются» искусными), а искусные действия принесут нам радость. В качестве классического примера здесь можно привести самое начало «Дхаммапады»:

[Неискusstные] состояния ума предваряются умом, руководятся умом и созданы из ума. Если кто-то говорит или поступает с нечистым умом, страдание последует за ним, как колесо повозки следует за ногами быка.

[Искусные] состояния ума предваряются умом, руководятся умом и созданы из ума. Если кто-то говорит или поступает с чистым умом, счастье последует за ним, как тень¹¹⁵.

Это основа буддийской этики, которую иногда обобщают словами: «Действия имеют последствия». Поэтому здесь мы видим закон обусловленности в применении к этической сфере. В буддийской традиции есть много перечней наставлений или принципов обучения, наиболее повсеместно применяемый из которых – список из пяти этических наставлений. Это не правила в узком, буквальном смысле: точнее будет описать их как принципы нравственного поведения. Они отражают то, как естественным образом вел бы себя

Просветленный человек, поэтому, пытаюсь вести себя подобным образом, человек постепенно движется к Просветлению.

Пять наставлений

Есть четыре основных наставления, а также пятое, которое также является основополагающим, но с практикой его соглашаются не все буддисты. Вот как они звучат:

Я принимаю принцип упражнения в непричинении вреда живым существам.

Я принимаю принцип упражнения воздерживаться от взятия того, что мне не дано.

Я принимаю принцип упражнения воздерживаться от неправильного сексуального поведения.

Я принимаю принцип упражнения воздерживаться от ложных речей.

Я принимаю принцип упражнения воздерживаться от алкоголя и наркотиков, которые затуманивают ум¹¹⁶.

В широком смысле эти пять наставлений закрепляют принципы ненасилия, неприисвоения чужого, целомудрия, правдивости и внимательности.

Принцип ненасилия заключается в том, что мы должны воздерживаться от причинения вреда и оскорблений другим, в особенности, воздерживаться от убийства или нанесения увечий. В своей основе жестокость – это утверждение собственного эго за счет другого существа. В наиболее крайних формах она подразумевает физическое устранение другого в своих собственных личных интересах. Следовательно, жестокость по отношению к другому человеческому существу говорит об отрицании глубинной человеческой общности, радикальном утверждении отдельной самости и неумении мысленно отождествить себя с другим человеком.

Если вы способны на жестокость по отношению к другому человеку, то это потому, что вы не умеете поставить себя на его место, сопереживать ему, почувствовать его ощущения как свои собственные. Для жестокого человека другой человек – просто объект, вещь. Поэтому жестокость – это предельная степень отрицания нравственной и духовной жизни, в то время как ненасилие в некотором смысле представляет собой основополагающий принцип буддизма. На самом деле, есть текст – «*Махавасту*» школы *локоттаравадинов* – в котором говорится о том, что ненасилие – это высочайшая дхарма. Это подразумевает, что, если вы искренне пытаетесь практиковать ненасилие, вы через какое-то время обнаружите, что практикуете все добродетели буддизма. В своей сути все они содержатся в ненасилии.

Ненасилие не просто означает, что мы должны воздерживаться от проявлений жестокости: мы также должны работать ради блага и счастья человечества и отдавать этому все свои силы. Это невозможно сделать, если наши сердца не исполнены любви к людям. Ненасилие – *ахимсу* – можно определить как «любовь в действии». Если мы хотим, чтобы наши действия причиняли не вред, а пользу, нам нужно постоянно развивать любящее состояние ума. Без этого невозможно сделать ничего действительно благого. Мысль, полная ненависти, может причинить миру несказанный вред: все жестокие поступки однажды были злыми мыслями, как и все благие поступки были однажды мыслями, полными любви. Любовь – это единственная сила, настолько могущественная, что в состоянии преодолеть ненависть, и по этой причине она – самое мощное оружие в мире. Несомненно, практика *ахимсы* в международных масштабах полностью исключила бы возможность войн или любых других форм кровопролития и резни, включая смертные казни и забой животных в пищу. В идеале практика и применение *ахимсы* должны носить всеобщий характер.

Ясное изложение этого можно найти в «Метта-сутте», или «Проповеди о божественной любви», которая выражает самую суть ахимсы:

*И да будет каждое живое существо без исключения –
Сильное или слабое, высокое, среднего роста или низкое,
Крошечное или огромное, видимое или невидимое,
Живущее поблизости или в отдалении,
Рожденное или нерожденное, –
Да будет каждое живое существо
Пребывать в блаженстве.
И пусть никто не обманывает друг друга
И не оскорбляет никоим образом,
Но, как мать, покуда жива, заботится о своем дитя,
Единственном дитя,
Пусть и человек упражняется в том,
Чтобы объять в своем уме всех живущих.
И пусть человек
Упражняется в безграничной любви ко всему миру,
Всему, что наверху, внизу, посередине, где бы то ни было,
В любви беспрепятственной, лишенной вражды.
Стоит он или движется, сидит или лежит,
Чтобы ни делал этот человек,
Если только он не погружен в сон, пусть он утверждает
В этом осознании безграничной любви.
Именно это называют «Высочайшим состоянием».
Поэтому пусть человек, оставив далеко позади
Все ложные воззрения и поступая праведно,
Обретет непосредственное видение и победит
Жажду чувственных удовольствий. Такой человек воистину
Больше не будет перерождаться в утробе¹¹⁷.*

Второй великий принцип буддийской этики – принцип неприсвоения. Насилие основывается на сильном чувстве «я», а присвоение основывается на сильном чувстве «моего» – они идут рядом. Поэтому мы не должны брать того, что принадлежит другим, делаем ли мы это с помощью силы или обмана, – другими словами, мы не должны красть. Традиционно говорится, что мы не должны «брать того, что не дано».

Несомненно, это означает, что мы не должны присваивать себе вещей, принадлежащих другим людям – это подразумевает, что мы не должны заводить долгов, которых не в состоянии оплатить, и брать вещи без спроса. Но можно также брать то, что не дано, в том смысле, что он отнимает время или энергию других людей, не узнав у них, согласны ли они отдать их.

Когда дело доходит до неприсвоения материальных вещей, это подразумевает то, что многие люди в наши дни едва ли сочтут кражей. Живя, подобно нам, в мире, которым управляют и держат его в подчинении учреждения и многонациональные корпорации, легко подумать, что, надувая их, – возможно, поддельвая налоговую декларацию, обращаясь за социальным пособием или принося из офиса канцелярские товары, – мы не совершаем ничего значительного и даже поступаем справедливо перед лицом того, что мы воспринимаем как несправедливую систему.

Однако подобное отношение не принимает в расчет истинную природу буддийской этики. Нравственность – это не самоцель. Альтруистический аспект нравственного поведения очевиден, но, возможно, не столь очевидно то, что наши действия оказывают влияние и на нас самих. Каждое из пяти наставлений выражается не только в «отрицательной» формулировке – например, «Я принимаю принцип упражнения воздерживаться от взятия того, что мне не дано» – но также и в положительной формулировке:

Поступками любящей доброты я очищаю свое тело.

Поступками щедрости я очищаю свое тело.

Спокойствием, простотой и удовлетворенностью я очищаю свое тело.

Правдивым общением я очищаю свою речь.

Осознанностью, ясной и светящейся, я очищаю свой ум.

Это напоминает нам, что практика этих наставлений подразумевает развитие и выражение позитивных качеств, равно как и воздержание от причинения вреда. Также, поскольку подчеркивается очищение, это напоминает нам, что нравственное поведение утончает и очищает состояния нашего ума и таким образом готовит почву для практики медитации и развития мудрости.

Чтобы мы ни чувствовали по поводу того, что присвоение себе того, что принадлежит государству или нашему нанимателю, будет иметь какое-то значение для «них», с такой точки зрения, нет ни «здесь», ни «там». Если наша цель – видеть вещи такими, каковы они на самом деле, одним из ее аспектов будет попытка разрушить границы между собой и другими. Практика нравственности постоянно предоставляет нам возможность сделать это – выйти за пределы глубокого убеждения о том, что существует разделение между «нами» и «миром», «другими людьми». И, конечно, в наши дни это служит нам постоянным напоминанием о том, что даже те действия, которые кажутся нам столь незначительными, что не имеют никакого значения, на самом деле, накопившись, могут оказать разрушительное воздействие на природу, на климат, на мир в целом.

Третье наставление относится к принципу целомудрия. Естественно, это имеет отношение к сексуальному поведению и, прежде всего, означает, что мы не должны подвергать других людей сексуальной эксплуатации, не должны получать сексуальное удовлетворение посредством силы, обмана или извращений. Как всем нам известно, сексуальное желание – на самом деле сильный импульс: для того, чтобы это выразить, Будда однажды сказал, что, если бы в сансаре существовала еще одна столь же мощная сила, у нас не осталось бы никакой надежды на духовное развитие. Следовательно, если человек относится к практике буддизма серьезно, он обнаружит, что естественным образом отведет сексуальной активности место на периферии своей жизни, вместо того, чтобы позволить ей занять центральное положение. И рано или поздно он изберет своей целью совершенное целомудрие тела, речи и ума, несмотря на то, что для многих людей – будем реалистичны – это станет возможным только к концу жизни.

Но все мы можем стремиться к тому, чтобы развивать «безмятежность, простоту и удовлетворенность» в этой сфере жизни, стремиться быть довольными ситуацией, женаты ли мы или одиноки, гомосексуальны или гетеросексуальны, решили ли мы быть сексуально активными или нет. Будда не делал никаких заявлений относительно сексуальной ориентации или поведения, ничто не подверглось ни особому одобрению, ни особому порицанию. Важно то, что мы должны привнести дух непричинения вреда в наши сексуальные отношения и избегать современной западной тенденции к восхвалению сексуальных отношений –

тенденции, которая, очевидно, стала причиной несчастья для многих людей.

Четвертый принцип – принцип правдивости. Мы не должны никогда и никаким образом, будь это напрямую или косвенно, давать свое согласие или одобрение на то, что, как нам известно, является неправдой. Правдивость в ее широчайшем смысле можно определить как единство мысли, слова и поступка. В палийских писаниях Будда часто именуется не «Буддой», а «Татхагатай». Есть различные объяснения значения этого титула, но одно из них утверждает, что Татхагата – это тот, кто поступает согласно тому, что говорит, и говорит согласно тому, как поступает. То, что подобное достижение почти равнозначно самому Просветлению, показывает, насколько редко на самом деле встречается качество совершенной правдивости.

Без правдивости не было бы таких вещей, как торговля, как управление или правосудие, не было бы политики в подлинном значении этого слова. Интересно, что в писаниях Палийского канона, говоря о правдивости, Будда избирает пример из судебного обихода¹¹⁸. Если свидетель дает ложные показания в суде даже под клятвой, справедливость не может быть восстановлена, а если справедливость нарушена, разрушается все общественное устройство. Правдивое свидетельство в зале суда – это пример, классический пример правдивости, потому что, если не удастся сохранить священный статус истины в подобной ситуации, на самом деле люди не смогут существовать в обществе. Можно было бы дополнить, что неправдивость заключается не просто в том, что человек говорит ложь, но также и в том, что он уклоняется от раскрытия правды в том случае, когда это устранило бы неведение и непонимание.

В сатире Свифта «Путешествия Гулливера», когда Гулливер попадает в страну гуингмов, он обнаруживает, что они настолько добродетельны, что в их языке нет даже слова «ложь». Гулливеру требуются значительные усилия, чтобы объяснить, что такое ложь, и в ответ гуингмы придумывают этому название на своем языке «говорить то, чего нет». Значит, мы «говорим то, чего нет» – мы лжем. Но почему? Лживость всегда основывается на отрицательных состояниях ума. Мы говорим ложь или умалчиваем правду, мы преувеличиваем или преуменьшаем что-либо или из жадности – чтобы получить что-либо, что иначе не получили бы, – или из страха наказания, или просто из тщеславия.

В некоторых обстоятельствах (они складываются крайне редко) нам может понадобиться пожертвовать правдой во имя высшего блага. В традиции буддизма дается классический пример с монахом, который увидел человека, прибежавшего и спрятавшегося в кустах. Некоторое время спустя банда разбойников, гнавшаяся за ним по пятам, прискакала по дороге с мечами в руках. Они спросили монаха, не видел ли он человека, которого они ищут. И, конечно, монах ответил, что не видел. В таких случаях то, что человек не сказал истины, оправдывается тем, что, если бы он это сделал, он бы принял на себя ответственность за убийство.

Но большинство из нас, скорее всего, никогда не столкнется с подобным выбором. Варианты, из которых мы обычно вынуждены выбирать, таковы: сказать правду и потерять что-либо или сказать ложь и обогатиться. В наши дни есть много обстоятельств, в которых мы обычно уклоняемся от истины, в особенности, опять же, в случае с декларацией и доходах или общении с другими службами. Это еще одна сфера этики, где легко появляется ощущение, что правительственные институты или многонациональные корпорации, будучи безликими структурами, не почувствуют последствий наших действий. Возможно, это так, возможно, нет, но мы сами ощутим последствия собственного неискреннего поведения. Нам нужно постоянно помнить о том, какое разрушительное воздействие оказывает ложь на наши

собственные состояния ума.

Пятое наставление – это, говоря в целом, применение принципа внимательности. Но – и именно поэтому в буддийских кругах это приводит к таким противоречиям – это выражается в терминах воздержания от «напитков и наркотиков, которые затуманивают ум», и, конечно, наиболее распространенным из них является алкоголь. Даже у буддистов на Востоке существуют определенные разногласия по поводу этого наставления. Некоторые считают, что буддист должен совершенно воздерживаться от алкоголя. Другие говорят, что его следует употреблять умеренно – то есть, так сказать, до такой степени, чтобы это не затуманивало осознанность человека.

Лично я думаю, что было бы лучше, если бы мы как буддисты могли воздерживаться от него полностью. Даже если принятие алкоголя время от времени и не причиняет *нам* никакого вреда, какой пример мы подаем? Стоит только открыть газету, чтобы увидеть, сколько вреда, сколько ущерба, сколько несчастья, сколько утраченных жизней несет злоупотребление алкоголем. Поэтому я думаю, что буддисты действительно должны служить примером в этом случае. Несколько лет назад один из моих учеников, отправившись в путешествие по некоторым центрам в Америке, был поражен, обнаружив, что в некоторых центрах был свой собственный бар, куда можно было заглянуть перед медитацией или после нее и выпить коктейль или что-то в этом роде. Я считаю, что алкоголь, по крайней мере, не должен быть доступен в буддийских центрах или на буддийских приемах.

Но, безусловно, вопрос в этом наставлении заключается не только в том, пьем мы алкоголь или нет, хотя это и очень важный вопрос. Внимательность – это, можно сказать, характерная добродетель нашего мышления или той части нашей природы, которая касается ума. Она выходит далеко за пределы таких практик, как внимательное мытье посуды, осознанные ответы на телефонные звонки и так далее, хотя все эти практики и ценны. Внимательность, прежде всего, означает, что каждый день недели, каждый час дня и каждую минуту часа мы постоянно помним об истинной природе нашей ситуации. Другими словами, нам нужно помнить Четыре благородные истины: страдание, причину страдания, прекращение страдания и путь, ведущий к прекращению страданий.

Мы уже видели – в главе о гравитационном притяжении, – что одно добродетельное поведение не может привести нас к Просветлению. Это символизируется не только вторым кругом Колеса жизни, разделенным на темную и светлую стороны, но также и третьим кругом, изображающим шесть уделов. Искусные действия приведут к благоприятным для нас последствиям, что символизирует сфера богов, а неискусные действия будут иметь неприятные последствия, что символизирует адская сфера. Но с точки зрения буддизма и небеса, и ад все еще находятся внутри круга мирского существования, внутри обусловленного: ощутив кармические последствия собственных действий, мы все еще будем стоять перед необходимостью найти путь за пределы Колеса жизни. Вот почему этика или нравственность – лишь первый этап Трехчленного пути.

В то же самое время эта идея, согласно которой внимательность может привести к осознанию нашей цели в жизни – на самом деле, это первостепенный аспект практики внимательности – предполагает, что полноценная практика нравственности подведет нас к следующим этапам пути. На практике искусное поведение, как понял Будда, имеет смысл только в контексте преданности духовному пути. В буддизме нет Бога, который бы настаивал на выполнении списка заповедей, «потому что он это запрещает». Нравственность воспринимается не как самоцель, а как средство достичь Просветления.

Три прибежища

Эта связь между искусным поведением и преданностью пути Просветления раскрывается в практике, которой следуют буддисты всех школ: повторении Прибежища и Наставлений. Три Прибежища – это Три Драгоценности буддизма: Будда, Дхарма и Сангха. Повторения Прибежища – это выражение преданности Трем Драгоценностям, которое традиционно называют «Обращением к Прибежищу в Трех Драгоценностях». А затем, сразу после прочтения этих строф преданности духовному пути, следует пение или повторение Пяти наставлений. Другими словами, в контексте Обращения к Прибежищу практика нравственности имеет очень большое значение.

Поэтому я хочу рассмотреть этот вопрос об Обращении к Прибежищу более подробно. Оно указывает нам на еще один способ видения пути к Просветлению – на самом деле, я бы сказал, что оно указывает нам самый важный или, по крайней мере, основополагающий способ видения этого пути. Можно сказать, что Обращение к Прибежищу в Трех Драгоценностях – основополагающее событие духовной жизни буддиста.

Конечно, чтобы это имело смысл, нужно понимать, что на самом деле представляют собой Будда, Дхарма и Сангха. Например, буддист – это тот, кто обращается к Прибежищу в Будде *как* Будде: он обладает верой в Будду как в Просветленное существо, а не кого-то еще. Это может показаться очевидным, но не все это понимают. Если, например, провести какое-то время в Индии, то непременно встретишь индуистов, благочестивых, религиозно настроенных индуистов. И если в таком окружении вы упомянете имя Будды, они скажут: «О да, мы все о нем знаем. Он – девятое воплощение индуистского бога Вишну». Буддист не может быть согласен с таким отношением к Будде. Когда я сам жил в Индии, мне часто приходилось говорить: «Нет, Будда не был воплощением божества. Он был человеческим существом, которое достигло Просветления ценой своих собственных усилий».

Точно так же, мы на самом деле не обращаемся к Прибежищу в Будде, если считаем его просто мудрецом, подобным Сократу, или учителем нравственности, подобным Эпиктету. Если у нас такие представления о Будде – если мы считаем его кем угодно, но не Просветленным существом – нет обращения к Прибежищу. Точно так же, мы не обращаемся к Прибежищу, если мы просто восхищаемся личностью Будды с безопасного расстояния, говоря: «О, как чудесно! Будда был таким добрым, таким сострадательным, таким мудрым!» – и в то же время не позволяя этим Просветленным качествам действительно тронуть свое сердце. Сколько бы вы ни выказывали подобного восхищения, Обращение к Прибежищу заключается не в этом.

В то же самое время нужно понимать, что действительно означает слово «Дхарма», чтобы обратиться к Прибежищу в Дхарме. Дхарма – это запредельный путь к Просветлению. Если мы относимся к ней просто как к источнику увлекательных и полезных идей или предмету чисто научного интереса, тогда, даже если мы знаем о ней и в особенности о том, как она проявлялась в истории, довольно много, мы на самом деле не обращаемся к Прибежищу в Дхарме, не являемся буддистами. У академического знания о буддизме, безусловно, есть определенная, хотя и ограниченная ценность, но обращение к Прибежищу в Дхарме – это нечто совершенно другое.

Обращение к Прибежищу в Сангхе означает Обращение к Прибежищу в Арья-Сангхе, тех мужчинах и женщинах, которые лично достигли высших этапов запредельного пути – Вхождения в поток и далее. Иногда говорится, что мы обращаемся к Прибежищу в сангхе бхиккху, монашеского ордена, но это совершенно не так. Сангха, к Прибежищу в которой мы

обращаемся, состоит как из монахов, так и из мирян: на самом деле, на этом уровне различие между монахами и мирянами не имеет большого значения.

Кстати, я вполне сознательно использую выражение «*обращение*» к Прибежищу, а не принятие Прибежища. Многие западные буддисты говорят о принятии прибежища у такого-то бхикку или ламы, но изначальное выражение точно звучит как «Я иду» – «*гаччами*». Это довольно важное различие, я считаю. Подразумевается, что Обращение к Прибежищу – это действие, то, что делает человек. Это движение к чему-то бесконечно большему, чем он сам. Можно даже говорить об Обращении к Прибежищу как об отказе от себя. А у «принятия прибежища» совершенно иной оттенок значения. Это предполагает присвоение, предполагает, что мы пытаемся сделать Три Драгоценности своей собственностью в эгоистическом смысле этого слова – пытаемся даже уцепиться за них, – вместо того, чтобы стать принадлежащими Трем Драгоценностям.

То, что я настаиваю на словах «Обращение к Прибежищу», а не «принятие прибежища», может показаться придиркой, но использование второго выражения, возможно, является симптоматичным и отражает нездоровые склонности в современном буддизме. В наши дни нам предоставлены превосходные возможности для понимания и практики самых разнообразных форм буддизма. Когда я встретился с буддизмом – более пятидесяти лет назад, – дела обстояли совершенно по-другому. В то время в Лондоне была только одна буддийская группа – и, вероятно, она была единственной в Британии – и в ней было не больше дюжины активных членов. Я помню, как мы собирались во время войны в маленькой комнате в центральном Лондоне, недалеко от Британского Музея. Однажды мы сидели там и медитировали – по крайней мере, мы сидели с закрытыми глазами и пытались ощутить некий внутренний покой, – и внезапно раздался ужасный шум, и стекла задребезжали. Конечно, это была бомба. Но мне приятно отметить, что никто не пошевелился. Была ли это буддийская безмятежность или британская флегматичность, я не уверен – вероятно, каждый из нас ждал, пока кто-нибудь другой не пошевелится первым – но никто не вскочил с места. Мы просто сидели там и заканчивали медитацию. Таков был буддизм в Британии пятьдесят лет назад.

В наши дни все совсем иначе. В одном Лондоне существует, по крайней мере, около шести процветающих буддийских групп, в Британии их сотни, а в Америке есть, вероятно, несколько тысяч групп, представляющих практически все традиции буддизма Востока. Все они пришли на Запад и обращались к западным людям – я не говорю о так называемых сообществах этнических буддистов – в течение последних двадцати или тридцати лет, что, можно считать, привело к огромному и радикальному культурному сдвигу. До того, как это произошло, наши представления о религии были изрядно ограничены христианством. Возможно, мы слышали что-то об исламе, если читали о крестовых походах. Но теперь, не говоря уже о буддизме, мы знакомы с очень многими религиями или хотя бы слышали о них. Наш духовный горизонт значительно расширился.

Но существует угроза – угроза того, что, вероятно, можно назвать «идеологией псевдодуховного потребления». В наши дни все мы являемся потребителями по определению. «Я покупаю, следовательно, я существую» – такова суть нашей философии. И есть опасность того, что мы привнесем такое потребительское отношение в наш подход к буддизму, особенно когда он преподносится нам в таком заманчивом многообразии, в столь многих таинственных, экзотических и захватывающих формах. Боюсь, слишком часто нам просто не терпится вцепиться в них липкими руками. Это своего рода «шведский стол» духовных деликатесов, ждущих поглощения, и нам не терпится схватить что-нибудь и выбрать только из прихоти.

Если мы это сделаем, мы станем не буддистами, не людьми, которые обратились к Прибежищу, а потребителями буддизма. А потребительское отношение к буддизму совершенно противоположно тому преображению, в котором заключается суть буддизма. Будучи «потребителями», мы приспособливаем буддизм к себе, по крайней мере, в его внешних формах, приспособливаем его к собственной жадности, ненависти и заблуждениям. Но если мы хотим преобразить себя, нам нужно приспособить себя к буддизму.

Эта преданность преображению – то, что двигает нас вперед. В процессе углубления преданности, углубления Обращения к Прибежищу в Трех Драгоценностях, можно выделить несколько уровней, и я выработал мои собственные их определения, перефразировав палийские и санскритские эквиваленты.

Уровни обращения к прибежищу

Первый уровень я бы назвал культурным Обращением к Прибежищу или даже этническим Обращением к Прибежищу. На буддийском Востоке есть десятки, возможно, даже сотни миллионов буддистов, и в каком-то смысле все они обращаются к прибежищу. По крайней мере, все они повторяют: «Я обращаюсь к Прибежищу в Будде, я обращаюсь к Прибежищу в Дхарме, я обращаюсь к Прибежищу в Сангхе» – на санскрите, на пали или на своем родном языке, поэтому все они считают себя буддистами. Но обычно они повторяют слова обращения к прибежищу, не придавая им никакого значения, поэтому они остаются простой формальностью.

Я сам наблюдал это много раз. На Востоке перед началом любого буддийского собрания кто-нибудь, обычно монах, читает или поет Три Прибежища и Пять Наставлений, и все повторяют эти слова за ним. Но люди редко задаются вопросами: «Что мы делаем? Что это означает?» Это просто часть их культуры, то, что они делали всегда. Более того, это вызывает уважение: почетно быть буддистом и время от времени читать Прибежище и Наставления. Но люди не слишком задумываются над этими словами. Это то, что они получили в наследство, то, что они делают, потому что так поступали или поступают их родители, дедушки и бабушки. Это культурное или этическое Обращение к Прибежищу. Его значение на самом деле относится не к духовной, а к культурной или даже общественной сфере. Это первый и низший уровень Обращения к Прибежищу. И, конечно, не стоит его недооценивать. Это начало, отправная точка.

Следующий уровень – это «временное» Обращение к Прибежищу. Это уровень человека, которого искренне интересует буддизм – но только до определенной степени. Возможно, он пытается соблюдать Наставления – иногда. Возможно, он немного или даже довольно много медитирует – время от времени. Возможно, он читает книги по буддизму или даже получил степень по буддийским исследованиям. Многие западные люди, которые называют себя буддистами, обращаются к Прибежищу на подобном уровне. На данном этапе они не предпринимают серьезных усилий для развития проникновения в истину и на самом деле не устремляют свою жизнь к Трех Драгоценностям. В действительности они, возможно, напротив, пытаются втиснуть буддизм в рамки вполне обычного, скорее всего, вполне состоятельного стиля жизни среднего класса. Это временное Обращение к Прибежищу – Обращение к Прибежищу до определенной степени.

Далее, существует «действительное» Обращение к Прибежищу. Когда ваше Обращение к Прибежищу действительно, это значит, что вы уже задумывались над сутью вопроса. Вы знаете, что имеется в виду под Буддой, Дхармой и Сангхой, и действительно искренне желаете всем сердцем и всей душой обратиться к Прибежищу. Вы желаете

практиковать Дхарму, следовать по стопам Будды и быть настоящим членом Сангхи, развиваться духовно и даже обрести Просветление. И вы решаете, по крайней мере, сознательно, на уровне ума, что сделаете это. Вы вручаете себя Трем Драгоценностям. У вас еще нет никакого серьезного духовного опыта, никакого запредельного прорыва, но вы делаете все, что в ваших силах, чтобы быть настоящим, подлинно практикующим буддистом той или иной традиции. Это действительное Обращение к Прибежищу – уровень Обращения к Прибежищу большинства искренне практикующих буддистов.

Даже во времена Будды у него было множество учеников, которые достигли только этого уровня Обращения к Прибежищу, и в Палийском каноне приводятся многочисленные примеры этому. Некто слышит учения Будды, оно оказывает на него большое впечатление, и человек искренне принимает учение – но в действительности он не видит реальности. Тем не менее, он обращается к Прибежищу, говоря: «Я обращаюсь к Прибежищу в Будде, я обращаюсь к Прибежищу в Дхарме, я обращаюсь к Прибежищу в Сангхе». Это действительное Обращение к Прибежищу. У человека есть теоретическое понимание учений, он пытается вести себя нравственно, он практикует медитацию и делает все, что в его силах, чтобы обрести глубокое проникновение или ясное видение. Он делает все, что в состоянии, для того, чтобы организовать свою жизнь так, чтобы подобные вещи – в особенности медитация и развитие проникновения – стали возможными. Короче говоря, он устремляет все свое существование, насколько это возможно, к Трем Драгоценностям. Для него на первом месте в жизни находится исключительно буддизм. Он действительно обращается к Прибежищу.

И далее, существует то, что я называю подлинным Обращением к Прибежищу, что в рамках традиционного буддизма синонимично с Вхождением в Поток и с тем, что в буддийских текстах называется «раскрытием ока Дхармы». Подлинное Обращение к Прибежищу означает, что ваша вера в Три Драгоценности стала непоколебимой. Традиционно говорится, что ни шраман, ни брахман, ни даже сам Брахма вместе с Марой, воплощением зла, не может поколебать вашу веру в Будду, Дхарму и Сангху¹¹⁹. Она абсолютно непоколебима, подобно самим Гималаям. И ваша практика нравственности также устойчива. Более того, в этом подлинном Обращении к Прибежищу присутствует явный, несомненный элемент того, что называют *vipaśьяной*, или ясным видением, что означает видение запредельного не как чего-то далекого, но как чего-то, что присутствует здесь и сейчас как действительное постижение, по крайней мере, до некоторой степени. *Vipaśьяна* представляет собой своего рода врата или приближение к самому Необусловленному.

И снова в Палийских писаниях буддизма есть ряд мест, которые иллюстрируют этот уровень Обращения к Прибежищу. Будда много лет бродил по Индии, путешествуя пешком от деревни к деревне, от города к городу, а иногда пересекая большие пространства джунглей. В своих странствиях он встречался с самыми разными людьми. Он встречал бродячих аскетов, ученых брахманов, бедных отверженных и князей. Кем бы они ни были, он чаще всего заговаривал с ними и начинал рассказывать им о Дхарме. Обычно он постепенно подходил к сути дела. Часто он начинал с разговора о преимуществах щедрости, потом говорил о нравственности, а далее – о медитации. И только затем, тщательно подготовив почву, он начинал говорить о своем особенном учении – обусловленности, – будь это в форме Четырех благородных истин или в какой-нибудь другой форме. Человек – был ли это аскет или брахман, изгой или правитель – слушал, и иногда случалось так, что учение потрясло его до глубины души. И это переживание выражалось фразой, которая стала в некотором роде избитой; на самом деле, эта фраза стала настолько общеупотребительной, что является штампом и в наши времена. Люди говорили, что они ощущали, что как будто «увидели свет». Как будто раньше они жили во тьме, но теперь появился свет и изливает на них сияние¹²⁰.

Столь же распространено было и иное выражение: что человек как будто избавился от огромной обузы, тяжелого груза – в наши дни мы, возможно, описали бы это как груз беспокойства, которое, кажется, пронизывает всю жизнь современного человека.

У такого человека открывалось око Дхармы. Он начинал видеть реальность, видеть истину обусловленности, видеть, что все мирское существование причиняет боль (по крайней мере, потенциально), преходяще и лишено постоянного, неизменного самобытия. В результате этого постижения мужчина или женщина, к которым обращался Будда, совершенно преображались. И затем в глубине их сердца рождались слова:

«Буддхам саранам гаччами, Дхаммам саранам гаччами, Сангхам саранам гаччами» – «Я обращаюсь к Прибежищу в Будде, я обращаюсь к Прибежищу в Дхарме, я обращаюсь к Прибежищу в Сангхе».

Таково *подлинное* Обращение к Прибежищу, Обращение к Прибежищу и одновременно – раскрытие ока Дхармы. Иногда его называют «запредельным Обращением к Прибежищу», поскольку это Обращение к Прибежищу Вступивших в Поток и тех, кто находится на высших, совершенно запредельных этапах спирального пути. Но это, несомненно, тот уровень, на достижение которого могут действительно надеяться все буддисты.

Обращение к Прибежищу – это основной и решающий поступок в жизни буддиста. Им часто пренебрегают в некоторых буддийских кругах, но в последнее время к нему, кажется, снова пробуждается интерес, поскольку серьезные практики заглянули более глубоко в учения своих традиций. Последователи иконоборческой традиции Дзен, например, обнаружили, что вера великого учителя Дзен Догена основывалась на Прибежище и была простой и чистой. Известно, что последней практикой, которую он выполнял перед смертью, был обход вокруг колонны, на которой он написал: «Будда, Дхарма, Сангха». Он сказал: «В начале, середине и в конце жизни, приближаясь к кончине, всегда, во всех своих рожденьях и смертях, принимайте Прибежище в Будде, Дхарме и Сангхе».

Прибежище и наставления

Где бы вы ни услышали пение Трех Прибежищ, оно всегда сопровождается повторением Наставлений (обычно пяти). Можно сказать, что, если Обращение к Прибежищу или преданность Трем Драгоценностям – кровь буддиста, то соблюдение наставлений представляет собой циркуляцию этой крови по всему телу. Поэтому наставления – это выражение Обращения к Прибежищу. Более того, они также поддерживают его, потому что нельзя искренне обратиться к Прибежищу, ведя совершенно безнравственную жизнь.

Безусловно, наставления – основная практика буддизма. Побыв буддистом некоторое время, можно заметить, что думаешь о том, что нет нужды тратить много времени на размышления о них. Возможно, такой человек думает, что и так знает их достаточно хорошо. Если человек действительно так думает, значит, он, вероятно, никогда не задумывался над ними серьезно, и самое время начать практиковать их.

Легко отвлечься на более яркие аспекты буддийской традиции, воодушевиться буддийским искусством, таинственностью и очарованием Тантры или погрузиться в попытки распутать сложные головоломки буддийской философии. Столь же легко забыть о таких основополагающих принципах, как наставления, – что мы и делаем на свой страх и риск.

Когда я сам получал тантрические посвящения, мне сказали, что посвящение – очень тайная, священная вещь, и о нем нельзя говорить. На самом деле, один из моих тибетских учителей-лам сказал мне, что мне разрешено говорить об определенном полученном мною посвящении только с одним человеком, которого он назвал. Вот в такой тайне все держалось в те дни. Но в наши дни на Западе тантрические посвящения, даже посвящения Ануттара-йога-тантры, «Тантры Высшей Йоги», широко рекламируются. Человек записывается на ретрит в течение выходных дней, платит взнос и получает посвящение вместе с, возможно, несколькими сотнями других людей. Ему не нужно готовиться к этому и даже не нужно быть буддистом.

Это, несомненно, не соответствует буддийской традиции Ваджраяны. Я помню, что один из моих учителей говорил мне, что, если человек хочет практиковать Ануттара-йога-тантру, прежде всего ему придется практиковать Хинаяну (он использовал это слово, в наши дни мы обычно говорим «Тхеравада») двенадцать лет, затем практиковать Махаяну шесть лет, и лишь тогда он считается подготовленным к получению посвящения Ануттара-йога-тантры. Но в наши дни все это, по-видимому, можно сделать за одни выходные. Конечно, некоторые учителя оправдывают это тем, что сеют семена, которые созреют в будущем, но должен сказать, что лично я отвергаю такое объяснение как позорную отговорку. Если кто-то хочет на самом деле заронить семена, ему нужно учить этике буддизма.